

Людмила Кулагина

12+

Эксперимент

фантастика

Людмила Кулагина
Эксперимент

«Автор»

2019

Кулагина Л. Е.

Эксперимент / Л. Е. Кулагина — «Автор», 2019

Книга "Эксперимент" о двух подростках, познакомившихся в сети и встретившихся при очень странных обстоятельствах. Книга о любви, о том, как они выросли, менялись и меняли мир вокруг себя.

© Кулагина Л. Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Первое свидание	5
2. Он	8
3. Война	10
4. Дома	11
5. Совет	15
6. Поиск	19
8. Совецание	26
9. Подвал	31
10. Тревога	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Людмила Кулагина

Эксперимент

1. Первое свидание

Лестница. Шаг, ещё один осторожный шаг. Поднимаюсь по ступеням заброшенной многоэтажки. Диагональные полосы света тускло освещают путь.

Ступени, усыпаны разбитым стеклом и мусором. Окна заколочены досками. Странное место. Зачем пришла сюда?

Стекло хрустит, озвучивая каждый мой шаг. Я потеряла счёт времени. Мне кажется, что я иду очень долго. Бесконечная лестница.

Грустно, одиноко и страшно. А вдруг он не придёт? Мы с ним договорились о встрече по интернету. Там же познакомились. Может быть он и не собирался приходить. Мы договорились встретиться на тринадцатом этаже. Почему на тринадцатом?

Иду бесконечно долго. Он сказал, что тринадцатый этаж подписан, и что я сразу это увижу. Я всё иду и иду. Нужно было считать этажи. Чувствую себя маленькой внутри этой громадины. А когда выходила из своего дома на Верхнем берегу, была смелой, дерзкой.

Трудно было решиться. Но любопытство было сильней. Может быть это авантюризм? Или просто желание нарушить монотонность жизни, в которой всё правильно, всё по – порядку, как положено, так, как требуют родители, учителя.

Что я хочу, никого не интересует. А я уже и не знаю, чего мне хочется, не чувствую ничего. Атрофировались чувства. Собственное желание? Что это? Я уже не помню, а может и не знала никогда.

Где он? Не придёт, наверное. Так тебе и надо, дура. (Я разговариваю сама с собой). Понятно же было, что это подстава. Только не понятно зачем? Может, наблюдает сейчас с друзьями откуда-нибудь и смеётся.

И зачем я только вырядилась так. Нелепо выглядит нарядная одежда в заброшенном здании, на этой свалке. Вонь и грязь, пылица. Споткнулась. Упала. Теперь вся грязная. Так тебе и надо, не будешь делать глупости. Слушалась всегда мамочку, и дальше сидела бы дома.

Стоп. Что это? Музыка? Показалось? Или нет? Он? А вдруг это кто-то другой? Говорят, что на Нижнем берегу в заброшенных зданиях живут люди.

Наш город делит на две части река. Один берег называют Верхним, другой – Нижним. Я живу на Верхнем берегу. У нас очень красиво. Современные технологичные здания. Парки, сады, широкие улицы, удобные многоуровневые развязки. А здесь, на Нижнем берегу, множество разрушенных зданий, как после землетрясения или после войны. Даже те дома, которые не разрушены, пустуют. Мёртвые высотки из бетона, стекол в окнах уже не осталось.

Как тут жить? А может и правда, здесь кто-то живёт? Вон остатки еды, старая кровать. А вдруг он сам здесь живёт? Грязный, наверное. Противно. Но он не виноват, что приходится здесь жить. Здесь нет воды.

Почему дома, когда собиралась сюда такие мысли не приходили в голову. Думала, что всё чистенько и красивенько будет. Не ной. Уже пришла.

– Эй, это ты? – услышала я чей-то голос.

Эхо, эхо, эхо. Или у меня в дурной моей башке это эхо? А может и голос только кажется мне, потому что, очень хочу, чтобы позвал хоть кто-нибудь.

– Не слышишь? В наушниках что ли? – это действительно реальный голос реального человека. И мне это не кажется.

Кто-то спрыгнул сзади. Боюсь оглянуться. Сжалась в комок. Нет, стою я, конечно, прямо. Внутри всё сжалось в комок. Тронул за локоть. Боюсь посмотреть. Зачем я пришла? Повернись уже. Не могу. Заморозило. Он сам обошёл вокруг. Стоит передо мной. Он. Рядом. Живой. Настоящий. Весёлый. А меня колотит озноб. А он улыбается.

Неужели, у меня теперь есть настоящий друг? Мой. Не сын друзей мамы, не дальний родственник. А только мой? Слёзы на глазах. Ну вот, этого не хватало. Срочно отвернуться, посмотреть в сторону, чтобы он не заметил. Заморозило. Не могу. Это всё. Кошмар. Закрывает глаза.

Он уже где-то включил музыку. Не здесь, не рядом. Или не он? Я не слышала его шагов. Но со слухом у меня всё в порядке, в отличие от зрения. Сколько прошло времени? Может он ушёл? Надоело? Тормозная девчонка. Почему я такая тормозная?

– Эй, ты где? Ты ушёл? Подожди. – Я кричу, сейчас разрыдаюсь. А он дышит совсем рядом. Сколько уже он здесь стоит?

– Привет.

– Привет.

Отморозило. Заговорила, наконец-то.

– Знаешь, я так долго шла, свалки, заброшки, дымится что-то, как будто уже сумерки, ведь рано ещё. Здесь всегда так? Когда мы с папой проезжали по улицам Нижнего берега, я такого не видела.

Теперь другая беда – я не могу остановиться. Долго я уже говорю?

– Там стоят фильтры. – ответил он. – Вы всё видите другого цвета и при другом освещении. Как в Изумрудном городе. Читала такую детскую сказку? А заброшек вечером не видно, как в Лондоне не видно новых домов в старых кварталах. Только исторические здания освещены. Поэтому такая иллюзия создаётся.

– Ты здесь живёшь? – спросила я.

– Где здесь? – удивился он.

– В этом доме. – уточнила я.

– Нет. Почему ты так решила? – улыбнулся он.

– Ну... – я не смогла объяснить.

– Ложись – вдруг сказал он.

– Что? Зачем? Ты о чём? Что ты имеешь в виду? – Чуть не задохнулась я.

– Небо! Посмотрим на небо. Ты же наверняка думала, зачем тащиться на 113 этаж без лифта. – Он лёг на какую-то горизонтальную поверхность.

113? Или мне послышалось? Моё пальто. Мама наверняка заметит. Да плевать. Хочу посмотреть с ним на небо.

– Это что? Не звёзды ведь? –спросила я вслух.

Он смеётся. Классно смеётся. Не обидно. Какое у него лицо? Я не помню!!! Я не запомнила!!! Надо срочно на него посмотреть. Он страшный или красивый? Я же не пойму, он ли это, если встречу ещё раз. Узнаю, если только засмеётся. Ну почему у меня такая плохая память на лица? Он что – то спросил?

– Что ты сказал? – решила уточнить я.

– Устала? – участливо спросил он.

Молчу. Почему? Странно, наверное, то, что я молчу. Надо что-то ответить. Молчу.

– Сколько у тебя времени? – снова задал вопрос он.

Молчу. Я не могу смотреть людям в лицо. Может поэтому, я их не запоминаю. Не во всех странах принято смотреть в лицо во время разговора. Например, в Японии это считается наглостью, грубостью. Мне было бы там комфортнее жить, наверное. Здесь меня фриком считают из-за этой особенности. Особенно учителя злятся, что я не смотрю на них, когда они объясняют. Зачем им это так необходимо, интересно.

А может, на Нижнем берегу тоже не принято смотреть в лицо. Вот было бы здорово.

Мне так хочется на него посмотреть. Он же стоял напротив меня. Почему я не посмотрела? Он что-то рассказывает, а я отключилась, кажется. Вдруг он что-то важное сказал, а я не услышала. Может я опять заснула, как на уроке? Нет. Не может быть.

Хорошо, что мы лежим, а то бы он заметил. На чём мы лежим? Я не посмотрела. Неважно. Хорошо лежать. Плохо, что пальто запачкалось. Что скажет мама? Неважно. Хорошо лежать рядом. Друг. Мой. Настоящий.

2. Он

«Я неправильно всё делаю. Обычно сначала спрашивают имя. Но я же знаю её имя. Нет, то имя, которым она назвалась при переписке, конечно, не настоящее.

Она так странно здесь выглядит. Как инородное тело. Как инопланетянка в нашем мире. Дело даже не во внешнем виде. Я ощущаю её, как нечто необычное и непривычное.

Но как может быть иначе? Она чужая здесь. Хотя я видел много девчонок с Верхнего берега, но никогда не разговаривал с ними.

Она молчит. Не хочет разговаривать со мной? Кто я такой для неё? Все, кто с Верхнего берега, считают себя королевских кровей. Но она зачем-то переписывалась со мной...

Переписывалась, потому что не знала, что я с Нижнего берега.

Но она приехала сюда! Наверняка догадалась, что я живу на Нижнем берегу, тем не менее приехала.

Во время переписки мне казалось, что мы друг друга понимаем. А сейчас она такая чужая. Я думал, что она разговорчивая. А она мочит. Может, у них принято общаться только письмами? Я почти ничего о них не знаю, хоть они и живут рядом – на другом берегу реки. Пронесются на машинах по нашему берегу, заходят в салоны и магазины, которые только для них. Всё, что знаю о людях с Верхнего берега – сплетни, одна другой противоречащие.»

Его размышления прервала мелодия вызова на телефоне.

– Извини, мне звонят. Я должен ответить. – Сказал он.

Он говорит по телефону. Слышно, что ему отвечают.

– Я занят. – Резко сказал он.

– Это срочно. – Ответил ему собеседник.

– Что случилось? – Также резко спросил он.

– Белые напали на наших в районе цирка, – ответили ему.

– Обзванивай третью бригаду. Я буду через 12 минут. На объект А 141 пришли охрану по форме 1. Отбой. – командирским тоном произнес он.

– Извини, у нас ЧП. – Заговорил он совсем другим тоном. Мягко и ласково. – Мне нужно идти. Тебя проводят. Не бойся, – отошёл на несколько шагов, вернулся. – Я очень рад, что ты пришла. Мы здорово помолчали вместе. – Он исчез, как испарился, тихо, бесшумно.

Несколько ребят появились также тихо. Все парни одеты в серое. Самый высокий сказал:

– Пойдём, здесь сейчас не безопасно. Куда тебя проводить? До такси?

– Что случилось? – спросила я

– Ничего особенного, обычная разборка, – ответил высокий парень.

– Я не знала о том, что бывают какие-то разборки. – удивилась я.

– Вы много чего о нас не знаете, там на своём берегу. Вам, милым деткам, не положено знать то, что не положено. Вдруг милота исчезнет. – Со смехом ответил Высокий.

– А он кто у вас? – опять задала вопрос я.

– Кто, он? Ты о ком? – удивился мой собеседник.

– Тот, кто вас сюда отправил? – уточнила вопрос я.

– Пришло сообщение-приказ по системе оповещения, мы и пришли. – Спокойно объяснил парень.

– У вас здесь армия? – усмехнулась я.

– Нет, служба спасения, – засмеялся Высокий. – Знаешь, как в одной из старых книжек. Гайдаровцы. Что, вам и книжки не разрешают читать? – Засмеялись все трое. – Да не бойся. Мы на милашек не нападаем. Пойдём.

Они отвели меня на главную улицу. Сразу всё преобразилось вокруг. Чисто, прилично, современно. Остановилось такси, и я понеслась по красивому городу, через мост на Верхний

берег. Трудно даже представить себе, что совсем рядом заброшенные здания без электричества и воды. И там живут люди. Как дурной сон.

3. Война

- В чём дело? Почему нарушена конвенция? – грозно спросил Лёха.
Андрей ответил, вальяжно рассевшись на подоконнике, усыпанном осколками стекла.
– Никто ничего не нарушал.
– По договору нельзя пользоваться никакими пулями кроме резиновых и пулями с краской. А твои бойцы использовали камни. – В Лёхином голосе чувствуется напряжение.
– Камни – это не пули. – С иронией заметил Андрей
– У нас два человека ранены! – разъярился Лёха. – Так и убить можно!
– Война есть война. – чётко и жёстко сказал Саша, помощник Андрея.
– Это дети! И мы играем в войну. И у этой игры есть правила. – Алексей явно терял терпение.
– Слушай, мы же не в верхнебережной школе. Что ты заладил? Правила, правила. – Начал раздражаться Андрей.
– Нужно думать о безопасности. Для этого нас и выбрали. – взял себя в руки Лёха.
– Нужно думать о достижении цели, и нечего розовые сопли разводить. Не девчонки. – Парировал Андрей.
– Одна из раненых – девочка, между прочим. – Мягко сказал Лёша, с болью в голосе.
Андрей и Саша дико заржали. – Ты девчонок в свою армию набираешь? Не удивительно, что неженкой стал.
– Это правилами не запрещено. – Нахохлился Алексей.
– Там нет ничего о девчонках. – хохотнул Андрей
– Не запрещено, значит разрешено – ответил Лёха
– Про камни там тоже ничего не сказано. – сказал Андрей
– Не запрещено, значит разрешено. – опять заржал Саша. – Ты боишься камешков, девчачий командир?
– Я созову общий совет для корректировки правил игры.
– Войны, а не игры. – злобно ответил Андрей.
Мальчишки разошлись в разные стороны и за каждым тенью скользнул отряд охраны. Лёхина охрана в серой одежде – «Серые». А охрана Андрея- разноцветная, кто во что горазд. Ради смеха их называли «Белыми»
Лёша сделал знак своей охране. Ответом был выстрел световым пистолетом. И сразу серые ручейки отрядов потекли в разные стороны бесшумно и почти незаметно. Серые одежды появлялись в проёме окна или подъезда на мгновение и сразу исчезали, будто проваливались в невидимые лазы, щели полуразрушенных домов. Гибкие маленькие тела скользили без задержек по бывшим детским площадкам с вывернутыми качелями и турниками, огибали гигантские свалки, перепрыгивали через выброшенную мебель, просачивались сквозь разбитые окна сваленных в кучи автомобилей. Живой, вибрирующий поток среди мертвенных остатков жилого квартала – дети, серьёзно играющие во взрослые игры – в Войну.

4. Дома

Дома!!! Моя комната, моя кровать! Могу зарыться под одеяло.

– Мама, извини, я хочу побыть одна. Мам, ну, не трогай, пожалуйста. Всё хорошо. Да. Я устала. Я сделаю уроки! Позже! – Не могу сдержаться, почти кричу, злюсь. – Прости, мам.

Одна. Тихо, уютно. Подумать. Осознать, что это было? Кто он? Что там происходит? Всё так странно. Но жутко интересно. Совсем другая жизнь.

Нет, та жизнь не для меня. Со мной в этом спокойном, привычном мире что-то происходит, что я не в силах изменить. Моё тело живёт своей жизнью. Я не могу им управлять. Оно то плачет внезапно, то смеётся дико. Я не справляюсь сама с собой. Никто мне не может помочь. Все только ругают.

Но там со мной ничего такого не случилось. Как же не случилось? То молчала, когда нужно было сказать, то болтала, когда нужно было молчать. Что он обо мне подумал? Интересно, он уже в сети? Нет. Как жаль. У меня столько вопросов. А что я могу у него спросить? Кто ты? Глупо.

– Мама, я не хочу есть, я поем позже. Спасибо.

Почему мальчишки пришли меня провозжать? Они подчиняются ему? Какие срочные дела могли у него возникнуть? Бросил меня так внезапно. Неинтересно ему было со мной. Не нужна я ему. Нет, не бросил, а перепоручил. Как вещь. Но он очень интересный. Вот бы ещё раз с ним встретиться. Но я не могу его пригласить к себе. Родители будут в шоке от того, что мальчик с нижнего берега приехал ко мне в гости. Да они его просто не пустят. Хоть они и говорят, что меня хорошо понимают, но этого они не поймут. Люди с того берега для них не люди. Конечно, они этого прямо не говорят. Они уверяют, что это просто другие люди, живут другой жизнью, что им, моим родителям, эти люди и их жизнь неинтересны.

Почему наши берега так отличаются? Как так случилось, что жизнь в нашем, как будто, ушла вперёд, а там остановилась. У нас развивается производство, строят новые дома, люди богато живут, красиво одеваются. А на нижнем берегу нет производства почти никакого, ничего не строится, всё рушится, люди в рванье, голодные. Как устроен их мир?

У нас всё упорядочено, всё распланировано, всё ясно. Всё красиво, всё блестит и сверкает. Высокие технологии – наша гордость. Все люди вежливые и улыбаются.

Но меня никто не понимает. В школе меня никто не любит. Я плачу. Это всех раздражает. Никто больше не плачет, кроме меня. Что со мной не так? Почему так происходит?

Я не улыбаюсь и не смотрю в глаза. Это людям не нравится. Интересно, как он к этому отнесётся? Хочу к нему. Вдруг мы никогда больше не встретимся?

Ой, мне плохо! Душно! Сердце бьётся, как бешенное. Хочется кричать. Нужно включить музыку, громко, чтобы не было слышно, залезть под одеяло. Мои игрушки! Старые милые, детские игрушки, я опять плачу с вами в обнимку. Я никогда никому вас не отдам.

– Да, мама, всё хорошо. Я слушаю музыку. Хорошо, я сделаю тише.

Сообщение!!! Это он!!!

Голова закружилась, сейчас упаду. Некуда падать, лежу в кровати. Итак, читаю. Нет. Вдруг он напишет, что больше не хочет меня видеть. Нет, тогда бы просто ничего не стал писать и всё. Так проще.

Читай!

Он: привет, как добралась?

Я: спасибо, хорошо.

Он: Извини, что так внезапно ушёл.

Я: Ничего

Он: Ты испугалась?

Он почувствовал, что я испугалась? Как? Он не смотрел на моё лицо, я ничего не говорила.

Я: Нет, с чего ты взял?

Он: Я понимаю, что оказаться впервые в нашем мире не просто.

Я: Я была на нижнем берегу и раньше.

Он: Ты наверняка была только в тех местах, которые созданы специально для ваших людей, верхнебережцев. Там вас обслуживают специально обученные для этого люди. Их общение с вами строго контролируется вашими службами охраны. Никаких свободных бесед.

Я: Зачем нужно контролировать беседы?

Я совсем не это хотела спросить. Зачем я тебе? – вот что меня волнует больше всего на свете. И нужна ли я тебе? Но этого я никогда не спрошу

Он. Я думаю, что по какой-то причине вашему правительству не хочется, чтобы ваши люди знали о нас, о том, как мы живём.

Я: А что, разве больше никто не переписывается, так, как мы?

Он. Почти никто. Мы взломали вашу сеть, искали определённых людей.

Я: Не меня?

Он: Нет.

Я: Ты говоришь: мы. Значит кто-то ещё читает то, что я пишу?

Он: Среди наших никто это не читает. И, насколько мне известно, с вашей стороны тоже пока никто не читает. Мы поставили ловушки. Я замечу, если кто-то войдёт в контакт. Но в любой момент нас могут засечь.

Я: И что тогда?

Он: Тогда, чтобы возобновить переписку придётся искать другой способ взлома.

Я. Значит у вас тоже есть программисты? Есть образованные люди? Иначе, как бы вы могли взломать наши сети? У нас все гордятся высочайшими технологиями. А вы запросто нашу сеть взломали.

Он. Не запросто. Долго работали.

Я: Я не поняла, почему именно со мной ты ведёшь переписку? Для чего я нужна вашим людям?

Он. Это нужно только мне. Я случайно вошёл на твою страничку. И мне очень захотелось тебе написать.

Я. Почему?

Он. Вся твоя страничка пропитана грустью. Нет фотографий. У всех остальных всё пафосно, круто, оптимистично. Я подставляю своих ребят, переписываясь с тобой. Но не могу остановиться.

Я. Подставляешь?

Он не может остановиться! Ему нравится моя грусть. Не может такого быть. Все меня за это критикуют вечно, а ему нравится.

Он. Чем больше контактов, тем уязвимей защита.

У меня голова кругом. Я упускаю что-то важное! Да! Что будет если нас засекут?

Он. Я хочу, чтобы у нас была возможность встретиться, если канал связи прервётся.

Да, да. Я именно об этом думала. Он читает мои мысли или думает, как я.

Я: Да

Он: Запомни код 3765290. Сразу удали.

Я. Подожди, я не понимаю, какой код, что с ним делать?

На экране появилось сообщение: Внимание! Всем закрыть страницы! Уничтожить секретную информацию. Опасность 5670.

Я: Что это значит?

Он: Уничтожь!

Он отключился. Уничтожить. Что? Всю переписку? Это всё, что меня с ним связывает. Что это за звуки? Сирена? Полиция? Около дома? Что это значит? Мне опять хочется поплакать под одеялом. Нет. Сначала всё уничтожить. Нет, не то, я что-то забыла! Код! Запомнить код!

– Папа? Нет, ко мне нельзя. Я переодеваюсь. Да, минуточку, я сейчас открою.

Перезагрузить комп. Чтобы не осталось следов.

– Да, папа, входи. Ты не один? А с кем?

Дверь распахнулась. Вошли полицейские.

Папа говорит с ними.

– Моя дочь? О чём вы говорите? Это ошибка! Доченька, дай им, пожалуйста, твой...

– Нет, я не могу отдать! Это Мой компьютер! Это моя собственность. – Я кричу, задыхаясь, я плачу, не могу остановиться.

Они взяли мой комп, вскрыли, вставили чип, закрыли, отдали, извинились, ушли.

Я почти ничего не вижу, всё в тумане. Это какой-то бред. Мама успокаивает. Папа объясняет законодательство. Они уверены, что это была ошибка.

А вдруг что-то выяснится? Что может случиться? Я не знаю. Я никогда не сталкивалась с подобными проблемами. Первый раз полицейские зашли к нам в дом. Неужели это из-за переписки? Что в этом такого?

Я ни от кого никогда не слышала, чтобы наши люди переписывались с нижебережцами. Я даже не задумывалась об этом никогда. Все воспринимают это как должное, и я тоже. А ведь это странно, очень странно! Нужно взять себя в руки, сделать вид, что я ничего не понимаю.

– Папа, что происходит, мне страшно. Обычная проверка? Поверка чего? Что за чип они установили?

Папа мне врёт? Папа говорит, что это обычная проверка. Обычно никаких проверок не бывает. Что бы они ему ни сказали, он мне этого не говорит. Папа врёт? Если уж папа мне врёт, значит и остальные тоже могут это делать?

Это не тот мир, который я видела раньше. Он не изменился. Но я смотрю на него иначе, через призму новой информации. И всё становится другим. Кружится голова, я падаю, меня провожают в постель.

Моя комната, моя постель. Я не хочу ничего видеть. Это ужасно. Это не мой мир. Всё рушится.

Кто-то стучится в мою комнату! Опять? Они? Сколько прошло времени? Я спала?

– Мама, это ты?

– Да, доченька. Открой, пожалуйста. Не закрывай дверь. Я волнуюсь за тебя. Успокойся, всё хорошо. Я думаю, они просто ошиблись.

– Мама, давай поговорим о чём-нибудь другом, я не хочу об этом.

– Хорошо, доченька. Расскажи, как дела в школе? У вас сегодня был спектакль? Что за пьеса?

– Знаешь, древняя история по книге Астрид Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок».

– Конечно, знаю. Это классика. Тебе понравилось?

– Странная история. Отец бросил свою маленькую дочь на произвол судьбы, явился через год или больше, как ни в чём ни бывало. Радостный и довольный. Бедная сирота выживала

одна. Верила, что папочка вернётся. Грустила, страдала, но при этом всегда делала вид, что ей радостно, ещё и других веселила и развлекала. Никто в городе о ней не позаботился, хотя все знали, что малышка живёт одна. Потрясающе сильный ребёнок в мире равнодушных взрослых. А ещё в спектакле был директор цирка, который хотел создать труппу из детей и дрессировать их. Пеппи выиграла у него деньги, победив циркового силача. Физически победив силача. Какой вывод мы должны сделать? В жестоком мире взрослых побеждает только физическая сила?

– Доченька, ты стущаешь краски. Эта книга о весёлой девочке, о радостном детстве. Неужели тебе совсем ничего не понравилось?

– Был один трогательный момент. Искренний, настоящий. Когда папа приехал за Пеппи, Анника сказала: «Ты бросаешь нас, Пеппи». Её можно понять. Анника и Томми – загруженные дети, которых Пеппи научила веселиться и развлекаться. И вдруг Пеппи уезжает. Как же решается эта проблема? Конечно, это детский спектакль, комедия. И всем, несмотря на проблемы должно быть весело. Папа Пеппи говорит: «Я возьму вас на корабль дружбы». Все танцуют и поют. Но ведь Пеппи всё равно их бросит! Анника и Томми будут несчастны! Жуткий директор цирка будет продолжать создавать аттракцион, где вместо зверей будут дети. И даже судьба Пеппи ужасна. Да, отец вернулся. Но где гарантия, что он снова её не бросит? И вообще жить с таким жестоким человеком, который бросил своего ребёнка, не безопасно. Комедия...

– Доченька, это всего лишь детская сказка. Ты именно поэтому все время плачешь. Потому что воспринимаешь всё в чёрном свете. Ты меня сегодня огорчила своими слезами и криками. Полицейские сказали, что ты вела себя неадекватно. У нас с папой могут быть проблемы из-за этого.

– Мамочка, прости меня, пожалуйста. Я не хотела вас огорчать. Из-за меня у вас неприятности. Но я не знаю, как смотреть на мир по-другому. Я вижу то, что вижу. И слёзы я остановить не могу. Что мне с этим делать?

– Ну, не плачь, не плачь, дорогая. Мы что-нибудь придумаем. Тебе нужно больше гулять, заниматься спортом.

– Мама, у меня сил не хватает ни на спот, ни на прогулки. И вообще, я это терпеть не могу. Я устала. Я хочу отдохнуть.

– Хорошо, доченька, поспи.

– Спокойной ночи, мамочка.

Как можно уснуть. Я всё время боюсь забыть код, который прислал Он. Хотя даже не знаю, зачем этот код нужен. Если они обнаружили меня, значит обнаружили и Его.

Что мне делать? Я никому не могу сказать об этом. Мне нужно снова поехать на нижний берег. Опять придётся врать родителям. Но они мне тоже врут!

Теперь я буду умней. Надо одеться, как они, нижебережцы. У нас все их называют просто нижними. Так вот, оденусь, как нижняя. Нет сначала наряжусь, как обычно, а когда туда приеду, переоденусь. Надо порвать и испачкать какую-нибудь старую одежду, желательно серого цвета.

Точно, все они были одеты в серое. Сейчас только, внезапно это всплыло в памяти. Куда идти? Я могу пойти в тот же самый дом. Может быть, кого-нибудь там встречу.

Завтра. Это будет завтра. Может быть я встречу Его? ОЙ! Я же его не узнаю!!! Я же не посмотрела на него ни разу! Вот дура! Я помню голос. Хотя бы что-то.

5. Совет

– Итак, мы собрались на всеобщий совет. Сегодня здесь присутствуют представители пяти кланов нашего берега. Белые, серые, красные, чёрные и зелёные. Собрание созвано по инициативе Алексея Серебрякова, предводителя клана Серых. Тебе слово, Алексей. – сказал председатель собрания кланов – Антон Береговой. Его выбрали перед собранием тайным голосованием из случайно выпавших из общего списка, имён.

Алексей встал, подошёл к трибуне, оглядел зал. Всё как всегда. По десять представителей от каждого клана. Все недоверчиво оглядывают противников. Но сдерживают негативные эмоции, которые испытывают друг к другу.

Но Лёша, как настоящий вождь стаи, чувствует что-то новое в атмосфере собрания, и не может пока понять, что именно. Именно за это, почти звериное чутьё опасности его и выбрали вожаком Серых. Многие, как и Алексей, владеют тактикой и стратегией боя, есть не менее смелые и умные ребята, но только у Алексея такая потрясающая интуиция на опасность. Он собирает, сканирует, анализирует мельчайшие детали в поведении людей и окружающей обстановке. Он столько раз спасал свою команду.

Алексей задумался. Эти мальчишки перед ним. Он почти всех знает с детства. Когда-то они учились в одной школе. Потом школы не стало. Сначала отключили воду, затем свет. Школу закрыли. Но они по старой привычке собираются в полуразрушенной школе, в актовом зале – единственном месте, которое не подверглось разрушению. Почему почти все здания на нижнем берегу разрушены?

Древнегреческие постройки стоят много веков, а наши разрушились за десять лет? Что произошло?

Алексей почувствовал почти физическую боль при мысли о том, что не войной должны заниматься все эти дети, подростки, юноши. Учиться все должны. Но большинство из них не задумываются об этом. Учёба осталась далеко в прошлом. А самые молодые вообще никогда не учились. Они не успели. Школы закрыли, когда они ещё не достигли школьного возраста. Алексей помнил, как они радовались, что не надо идти в школу, не надо выполнять домашнее задание. Можно делать что хочешь!

Вместе со школами закрылись спортивные секции, кружки и студии. Лишь немногие грустили по этому поводу. Большинство устали от высокой школьной и внешкольной нагрузки и были рады отдохнуть.

Паника началась, когда школы не открылись ни через месяц, ни через год.

Дети начали сбиваться в кучи от безделья. Потом начались стычки и драки различных групп. Затем отряды стали больше, а бои ожесточённой. Дети гибли сначала десятками, а затем сотнями. Кругом были бесконечные похороны. Взрослым было не до детей. Нужно было добывать пропитание. Но постепенно и взрослые включились в эту войну – стали мстить за детей. Началась даже не война, а жуткая, неорганизованная бойня.

А что случилось потом? Кто это остановил? Это не могло прекратиться само. Всё шло к неминуемому концу. К самоуничтожению. И вдруг стали проходить, вроде бы, стихийные собрания. На них выбирали главарей, делились на отряды и вырабатывали правила. Как это могло само собой начаться? Среди озлобленных голодных людей?

Алексей очнулся, вынырнул из потока своих мыслей, потому что в зале начался шум, люди ждали, что он, Лёша, им скажет. Зачем он собрал совет? Пауза затянулась, а мальчишки не любят ждать.

– Друзья, нам нужны новые правила! – Начал Лёша без предисловий.

– Во-первых, предлагаю открыть отряды для девочек. Во-вторых, нужно детально расписать какие способы войны можно использовать. Впрочем, нет я не с того начал. Нужно отве-

тить на главный вопрос – почему мы воюем? Ещё точнее зачем? Мы выросли, мы не малыши, чтобы играть в игры.

– Правильно! Не нужно играть в войну, нужно воевать! – крикнул кто-то с места.

– Я совсем не это имел в виду. Я предлагаю прекратить войну совсем. Любая война рано или поздно заканчивается. Наша длится уже семь лет. Я думаю, что этого достаточно!

– Правильно! Хватит! Надоело! – раздались крики с разных мест.

– А что, по домам будем сидеть? – заржал кто-то

– Тихо, говорите по очереди, – крикнул председатель.

Пашка Разверзев поднялся с места.

– Мне давно кажется, что война отвлекает нас от чего-то важного. Наш мир рушится. А мы играем в игрушки.

Андрей Верстов – начальник белых, яростно продолжил,

– Правильно, хватит играть. Война! Только война!

Его сторонники начали скандировать.

– Война, война, война!

– Я не закончил. – Крикнул Алексей. – У нас уже была война. До того, как мы договорились о правилах игры. Или вы забыли? Тысячи жертв. Я предлагаю поменять не правила игры, а саму игру. Давайте играть в строительство, а не в разрушение. Взрослые не восстанавливают наш город. Не останавливают разрушение. Большинство из них не могут позаботиться даже о себе, не говоря уже о своих детях или о городе. Вы никогда не задавались вопросом, что с ними происходит? Сначала они идут на службу к верхним, через пару лет их выгоняют, и больше они ни на что не способны. Спиваются или сходят с ума. Нас ждёт та же участь, если мы ничего не изменим. Я не хочу служить верхним. А вы? Мы должны организовать собственную жизнь! Мы должны жить независимо от верхних! – Алексей сел на место.

Андрей – предводитель белых – вышел на трибуну. Он самый взрослый среди мальчишек. Ему скоро девятнадцать. Алексей младше на два года. Возраст остальных от 14 до 18. Моложе 14 в совет не берут. А в отряд можно поступить с 10 лет. В 20 лет уже можно поступить на работу к верхним. Поэтому 20 – летних в армии нет. Хотя, вполне возможно, что некоторые врут на счёт своего возраста, если не хотят идти работать. Детям верхние выдают продовольственные пайки. Если они усомнятся в возрасте, могут сделать анализ, тогда поменяют чип на руке и паёк уже не получишь.

Андрей отличается от других пацанов. Он крупный, сильный, накаченный. Остальные очень худые. Пайки дают скудные, только чтоб не умерли. А Андрей выглядит откормленным. Алексей в очередной раз удивился этому. Есть ещё одно отличие. Андрей очень уверенный. У остальных в поведении сквозь напускную наглость просвечивает страх. У Андрея страха нет, он как будто из другого теста. Что-то он скрывает, – подумал Алексей. – Хорошо бы проследить за ним, но это запрещено конвенцией.

– Алексей, я тебя не узнаю, был таким боевым парнем, а теперь вдруг расклеился. То девчонок предлагаешь взять в войско, то о пьянчугах – родителях задумываешься. Ладно, на это ещё можно не обращать внимание. Но отказ от войны – это уж слишком. Похоже, ты просто трусишь. Более жёсткие условия тебя испугали, девочка. – зал заржал. Или ты слишком старый для наших битв? Может ты врешь, что тебе 17? Может уже все 20? Так иди работай! Нечего нам головы забивать дурацкими мыслями. Мне твои рассуждения сразу школу напомнили, чуть не стошнило! За парты хочешь нас опять посадить? Иди гуляй, девочка, если не хочешь мужским делом заниматься. Среди серых найдутся и покрепче духом ребята. Кто за войну? Давайте голосовать! Мужики! Война для сильных духом и телом, для настоящих мужчин! Слабенькие пусть идут к девочкам шарфики вязать! Война! Война! Война!

Казалось, что весь зал скандировал вместе с Андреем. Но нет. Алексей осмотрелся и увидел, что не все поддались эмоциональному натиску Андрея. Хотя давление было мощным и

точно рассчитанным. Подросткам хочется, если не быть, то хотя бы казаться мужественными и сильными. А в данной ситуации отказ поддержать Андрея выглядел, как признание в слабости. Алексей встретился взглядом с командиром зелёных – Ахмедом. Он не поддерживал Андрея, и его команда тоже не участвовала в общем хоре.

Нужно будет с ним поговорить после общего собрания. Интересно, что он думает о моём предложении. – Подумал Лёша.

Команда Ахмеда всегда отличалась от всех остальных. Ахмед собрал, в основном, детей из мусульманских (в прошлом) семей. Сейчас верующих почти не осталось. Храмов, мечетей нет, всё закрыто или разрушено. Ни одна из религиозных конфессий не смогла остановить побоище, которое случилось 6 лет назад. Чёрная пятница. Говорят, что когда-то чёрной пятницей называли распродажу в магазинах. Собственно, в магазине основная битва и началось. Там он потерял маму. Алексей остановил поток мыслей.

Так, я не о том думаю. Голосование мне уже не предотвратить. Большинство проголосует за идею Андрея. Нет, я не должен сдаваться. Нужно бороться до конца. Маму я не спас, потому что рано сдался, больше я не допущу такой ошибки. Пусть меня сместят с должности командира, но допустить новой войны нельзя.

Алексей вскочил с места, бегом побежал к трибуне. Андрей не ожидал, не успел придумать новую шутку, чтобы опозорить Алексея.

– Я, Алексей Серебряков, готов уйти с поста командира, если я вас не устраиваю. Может быть я, Алексей Серебряков, похож на девчонку, но на умную девчонку, я думаю головой, у меня работают мозги, и в моей голове есть собственные мысли. А вы поддались эмоциям. В вас бушует кровь, амбиции, страх показаться слабым. Мозги вы отключили за ненадобностью. А ведь вы командиры! Поорать громко – много ума не надо. Попробуйте хотя бы проанализировать оба предложения! Война или мир? Война – это смерти, боль, эскалация напряжения, болезни, голод. Исчезнут последние остатки цивилизации. Война может привести к полному уничтожению нижнего берега. Вы помните, как всё началось? Сначала дрались мальчишки квартал на квартал, район на район. А потом взрослые начали мстить за смерть своих детей и в войну втянулся весь нижний берег. Если бы не были введены правила, которые удерживали нас в рамках игры, нас бы уже не было. Так зачем вся эта бравада? Кому это нужно?

Ахмед поднялся на сцену.

– Я не умею долго и много говорить, но и молчать не могу. Слушай, надоело одно и то же. Засада, нападение, преследование, отход, засада, нападение, преследование, отход. Может хватит уже. Другое что-то давай, придумай, а? Бегаем, бегаем, как горный козёл. Год бегаем, два, пять лет уже бегаем. Никуда не добежали. Всё на том же месте стоим. У нас у самих уже скоро дети начнут рождаться, а мы всё как малыши играем. Предлагаю подумать, зачем торопишь. Война – или нет войны – не правильная альтернатива. Нужно придумать, что может быть кроме войны. Пусть каждый отряд придумает свой вариант, а потом обсудим не спеша. Большой дело второпях не делают, важные решения быстро не принимают. – Тихо, но уверенно говорил Ахмед, с акцентом, коверкая слова, но глупого ничего не сказал.

Уходя со сцены, многозначительно посмотрел на Алексея.

Да, интересный человек, – подумал Алёша, – и мысль интересную высказал. Война или нет войны – не альтернатива вообще. Войне нужно что-то противопоставить.

Александр – правая рука Андрея хотел подняться на сцену. Но терпение у мальчишек закончилось. Не любят они слушать длинные речи.

–Всё, хватит на сегодня!

–Надоело!

– Назначайте другое собрание!

–Будем думать!

–Перемирие на неделю!

–Устали биться!

–Жратвы лучше найдите!

–Как воевать голодными!

Парни начали расходиться. Андрей подошёл к Алексею.

–Что-то ты больно умный стал. Где мыслей таких понабрался? Кто тебя научил? – жёстко спросил Андрей.

– Ты о чём? – не понял Алексей.

– Мне нужно имя. Кто автор этих идей?

– Каких идей?

– Не надо прикидываться. Я всё равно узнаю. Пять лет воевал, а сейчас вдруг захотел прекратить войну. Кто тебе подсказал эту идею? – наседал Андрей.

– Что за разборка во время перемирия? – вмешался Ахмед, подошедший к ним вместе со своей командой.

– Гуляй мимо, чучмек. – огрызнулся Андрей.

– Грубый, очень грубый человек. – миролюбиво ответил Ахмед. – Зачем ругаешься?

Алексей в очередной раз удивился выдержке Ахмеда. Мало кто из парней способен выдержать насмешку, не потеряв самообладание.

Андрей не стал продолжать разговор при свидетелях. – Мы ещё поговорим об этом, – сказал он, свистнул своей команде и ушёл прочь.

6. Поиск

Судорожно запихивая в рюкзачок вещи, чтобы переодеться на нижнем берегу, я думала только об одном: как найти его. Нет, думать я не могла. Щёки горели. Что там щёки, всё внутри пылало, торопило, рвалось. Казалось, если сейчас, сию минуту, я не выпущу из себя рвущегося наружу джина, то взорвусь. Я не могла дожидаться такси. Хотелось бежать, лететь, ползти, в конце концов, но только не оставаться на месте. То слёзы душили, то глупая улыбка, выползшая сквозь слёзы, застывала на лице, как тонкий лёд на только что вставшей реке. Вот-вот прорвётся что-то сквозь улыбку, то ли смех, то ли плач, и заполнит всё вокруг. Таким необъятным, таким и изнуряющим, и радостным одновременно, было ощущение.

Такси. Записку маме, убежать до её прихода. Быстрой. Мама не поверит, она насторожена и что-то чувствует после прихода полиции, но пока молчит – собирает информацию.

Безмятежное небо: мутно-красный, переходящий в жёлтый, затем в бледно-голубой и уж потом в синий. Моему настроению больше подошло бы что-нибудь яростное, рваное, яркое.

Нет, всё хорошо, нужно слегка успокоиться, чтобы не надеть глупостей. Хотя, куда уж глупее. Еду неизвестно куда, неизвестно к кому и неизвестно зачем.

Такси ползёт медленно, невероятно медленно. Мама рассказывала, что когда-то на мостах возникали пробки, из-за большого скопления машин невозможно было проехать. Но сейчас-то мостов куча. Что ж так медленно. Кажется, я сказала это вслух.

– Обычная для моста скорость. Автомобиль сам её лимитирует, въезжая на переправу. – Сказал водитель, так до сих пор называют автоответчик капсульного такси. Хотя есть и ретро-такси, которым управляет реальный человек. Но, по-моему, это не очень удобно.

Закат краснеет. Издалека нижний берег выглядит обычным городом, даже красиво. Центральные улицы светятся, а между ними редкие всполохи света среди тёмных дыр.

Почему никто, ни разу, нигде, ни в школе, ни дома не рассказал нам, что произошло с нижним берегом. Похоже на какую-то эпидемию. Всё погибает, и дома, и люди. Уф, какие мрачные мысли. Он не погибнет, всё будет хорошо. Хорошо... Хорошо...

Самой бы не погибнуть там. Мне кажется, я сегодня не вернусь домой. Только не надо слушать предчувствия. Это предрассудки. Судьбу предсказать невозможно. Это противоречит законам физики, химии и всем остальным тоже.

Приехали. Вышла из такси. Куда идти? Вот что мне стоило забить точку в навигаторе, когда я была в том доме на сто тринадцатом этаже.

Эх, нет сил, перегорела, как всегда, во время сборов, ожидания, предчувствий, переговора. Энергия ушла в атмосферу. Присесть куда-нибудь. Собраться с мыслями, подумать...

Надо где-то переодеться, чтобы не обращать на себя внимание. Зайду в первый попавшийся подъезд. Так, старая куртка, шапка, волосы надо взлохматить, лицо и руки немного испачкать, и одежду тоже измажу грязью.

Вот теперь нормально. Свою одежду засуну в рюкзак. Теперь можно идти. Никто не посмотрит на меня. Очки. Ходят ли они в очках? Ну, без очков я не могу, так что, вперёд!

Прикольно! Я чувствую себя другим человеком в этой грязной балахонистой куртке. Надо было ещё ботинки другие одеть. Но старую обувь мама сразу выбрасывает. Негде взять.

Куда идти? Нужно ориентироваться на самый высокий дом. Он был немного правее нужного мне. Нужно включить навигатор, чтобы быстро найти дорогу на обратном пути.

В первый раз было легче. Он мне сбросил маячок в контакте.

Теперь его страничка заблокирована. Да и на моём компе стоит чип, поставленный полицейским, который я не рискнула удалить. Это вызвало бы подозрение.

А вдруг они следят не только за моим компом, но и за мной? Надо проверить. Как это сделать без специальной техники? Знаю! Как в старинных детективных романах. Пройти быстро, затем внезапно остановиться у стекла и осмотреться.

Осталось только найти среди этой разрухи целое стекло. Нашла большой кусок. Посмотрю. Кажется, кто-то мелькнул за разбитой машиной. Ещё раз. Вот ещё кусок стекла. Посмотрю в него. Кажется, кто-то спрятался за угол. Кажется, у меня паранойя. Так раньше называли навязчивые видения. Ладно, я же не больна.

На верхнем берегу нет больных. Все абсолютно здоровы. Слово «болезнь» вышло из обихода. К врачам ходят только для профилактики.

Но когда я читаю старинные романы, у нас на чердаке остались старые диски памяти, мне кажется, что я больше похожа на людей того времени. Они были странными и несовершенными, короче, больными.

Душевно больными. Причём, практически все. Но это проще, все одинаковые. А я одна больная среди здорового города. Может поэтому меня так тянет на нижний берег.

Нет, не правда. Не поэтому. Не надо искать дополнительных оправданий. Я хочу Его увидеть, и это единственная причина, по которой я здесь, на нижнем берегу. Ну вот, я почти уже дошла. Это где-то рядом.

Ой, мимо кто-то пробежал, неожиданно выскочив откуда-то. Ещё один, ещё группа. Они как из-под земли появляются. Куда они все бегут? А-а-а! Целая толпа! Вот этого я не люблю! Сейчас начнётся! Всё, поехало. Сердце бьётся, с места двинуться не могу, даже кричать не могу. Это что? От страха? Да не страшно мне почти. Я не успела испугаться. Толпа на меня так действует. Откуда они появились? В голове так стучит, что я не слышу, не понимаю, что они кричат!

– Не трогайте меня, отпустите, куда вы меня тащите!

Кто-то схватил меня за рукав, и вся толпа увлекла нас за собой. Я бегу куда-то в общем потоке. Кто-то держит меня за руку. В глазах темно, сердце колотится. Это кончится когда-нибудь?

Вот, мама говорила заниматься спортом. Сейчас бы не было таких проблем. А то мало большой головы, ещё и ноги не слушаются. Сейчас упаду.

И действительно падаю. Но не только я. Вся толпа подминая друг-друга падает, проваливается в какую-то яму. Летим то ли в трубе, то ли в безвоздушном пространстве. Кругом тела. Чьи-то руки, ноги, головы, крики, взгляды. И вдруг темно. Всё стихло и перестало двигаться.

Или это в моём сознании всё отключилось? Опять тело меня подводит. Как трудно быть не такой как все.

Короткий тяжёлый лязг прервал моё забытьё. Сколько оно длилось? Секунду? Час? Тишина и темнота одновременно начинают отступать. Где-то засветился фонарик, кто-то начал говорить. Люди вокруг задвигались, зашумели. Неужели вся эта толпа сохраняла тишину минуту назад? Или это мне тоже почудилось? Вроде меня никто не держит за руку. Никто не смотрит. Это уже хорошо. Где бы и я сейчас не оказалась, мне нужно отсюда выбираться.

– Скажите, пожалуйста, где здесь выход?

Никто не отвечает. Мальчик какой-то взглянул на меня, и будто не слыша вопроса прошёл мимо.

– Будьте добры, пожалуйста, покажите мне выход.

В ответ раздалось грустное хихиканье.

Отвечать мне никто не собирается. Ладно буду искать сама. Люди вокруг ходят, лежат, стоят, сидят. Что они все делают? Почему не уходят отсюда? Зачем здесь собрались? Может быть они чего-то ждут. Может быть здесь сейчас что-то будет?

– Скажите, пожалуйста, что сейчас здесь будет?

– Что, что, кино! – Насмешливо сказал кто-то.

Наверное, это какой-то древний кинотеатр, мама рассказывала о таких. Нет. Что-то не то. Смотреть кино так не идут. Они же все неслись, как бешенные, падали, вскакивали, опять бежали. Кричали что-то. Кто и зачем схватил меня за руку? Голова болит от всех этих вопросов. Время идёт, мне скоро возвращаться домой нужно будет, а я до сих пор Его не нашла.

Моё тело сползло вниз по стене, и я оказалась сидящей на чём-то холодном и жёстком. Но переместиться не было ни сил, ни желания.

Я стала оглядываться по сторонам, чтобы понять, где я нахожусь. Какой-то огромный подвал. Серые стены, холодно. Вдоль стен трубы. Толстые, тонкие.

Помещение огромное, дальней стены не видно совсем, может, потому что мало света. Свет только от электроники в руках у детей.

Так, стоп. Вокруг только дети? Огромная толпа детей? Может у них такая школа, и они собрались на занятия? В темноте? Толпа постепенно разбилась на кучки. Тихо разговаривали, где-то смеялись, где-то спорили. Ощущение привала после долгого перехода. Все притихшие и уставшие. Лежат прямо на бетонном полу или на картоне.

Не важно, где я. Важно найти выход. Пойду вдоль стены, рано или поздно дойду до двери. Хорошо, что я переоделась, и на меня никто не обращает внимания. А где мой рюкзак? Я его потеряла во время бега! Или с меня специально его сняли. Например, тот, кто тащил за руку. Нехорошо так плохо думать о людях. Да какие это люди! Оборванцы какие-то. Стоп. Это уже влияние родителей. Это они так говорят. Я же сама никогда так не думала. Что со мной. Я сузу людей по одежде? Ужас! Надо думать по-человечески!

Я уже давно иду вдоль стены и никаких дверей. Нужно заметить место, где я сейчас стою, чтобы убедиться, что дверей нет. Вот шов сварки на трубе. Нет этот ориентир не подойдёт. Таких швов может быть много. Пятно на стене. пятен тоже может быть много. Вот незнакомое слово. Будем надеяться, что на стенах не будет много одинаковых слов написано, зачем вообще на стенах писать, странно.

Так идём дальше. Нет, остановись. Что я сказала себе минуту назад? Нужно убедиться, что дверей нет? Да не хочу я в этом убеждаться! Мы же сюда как-то попали, значит дверь есть. Иду дальше. Ой, споткнулась об кого-то. Чуть не наступила. Спит кто-то в углу? Даже не отреагировал. Может умер? Фу, какие мысли в голову лезут. Но мало ли. Нужно хотя бы извиниться, за то, что наступила. Лица не видно, всё закутано в тряпье. Рука. Какая старая страшная рука. Нет, здесь не только дети.

– Извините, пожалуйста. – Я шарахнулась в сторону.

Иду дальше. Помещение метров сто в длину, может больше. Надо будет посчитать шагами. Глупости. Я же не собираюсь здесь оставаться.

Опять тоже самое слово из четырёх букв. Я вспомнила, оно из области собаководства. Здесь что собак разводили? Но там было другим цветом написано, значит я ещё не дошла.

Ой, целая группа стариков среди детей. Обмениваются какими-то карточками. Что они делают, интересно. Какие все худые. Таких старых людей на верхнем берегу я никогда не видела. Интересно, почему?

Не отвлекаемся, идём дальше. Ой, остороженько, кажется здесь сейчас начнётся драка. Быстрее, мимо, мимо, а то опять меня зацепит. Угораздило же меня оказаться на пути этой толпы. Я пришла на исходное место. Дверей здесь нет...

Минутный стопор в мозгах. Мы же сюда как-то вошли? Мы не вошли, мы упали! Дверь должна быть вверху!

Осмотрю потолок. Пойду вдоль стен. Нет, лучше пройти по центру. Так будет лучше обзор. Трудно ходить, когда все вокруг валяются как попало. Ещё и наверх нужно смотреть.

– Эй, осторожней, ходишь, как по асфальту.

– Извините, пожалуйста. – промямлила я.

– Смотри-ка, вежливая какая. Откуда такая взялась? А ботиночки какие красивые, с кого такие классные сняла а?

От смущения, я споткнулась, опять на кого-то наступила, меня оттолкнули, я упала, опять на кого-то.

– Слушай, дай ботиночки поносить – раздался тот же голос.

– Да они тебе на нос не полезут, – засмеялись справа.

Я сижу на полу в центре компании, удобно расположившейся на каком-то тряпье. В руках у них что-то светящееся. Они меня рассматривают. Я не рискую встать, вдруг опять наступлю на кого-то. Отползаю, потихоньку пячусь назад. Уперлась во что-то. Парень ногой перекрыл мне проход.

– Куда собралась? Домой, к мамочке, в кровать? – голос шуточный.

– А почему бы и нет, – неожиданно для себя говорю я.

В ответ общий смех.

– А что здесь смешного? Не сидеть же в подвале всю ночь.

– Да она шутница. Хоть и вежливая.

– Я не шучу. Мне действительно нужно идти.

Все засмеялись снова. Меня это разозлило. Как ни странно в их компании я чувствовала себя уверенней, чем среди одноклассников в Верхней школе. Хоть они грязные, чумазные, но зато естественные, без пафоса.

– Что здесь происходит? Зачем меня сюда затащили? Мне нужно идти!

Чем сильнее я злилась, тем больше веселились ребята. Я замолчала. Тихонько отползла в сторону. Мальчики начали обсуждать что-то своё. А ко мне подошёл один из мальчишек.

– Привет, меня зовут Инга. А тебя? – спросил мальчик.

– Привет, я – Рита. – Робко ответила я.

– Маргарита? – уточнил он.

– Ну, да. – Промямлила я совсем тихо.

– Понятно, Марго, значит.

– Можно и так. – Ответила я.

– Что ты так пялишься? – Разозлился пацан.

– Извини. Я просто не могу понять. И спросить неловко. – смущённо проговорила я.

– Что?

– Ты девочка? – Наконец произнесла я.

– Да, а что? – напряжённо спросила Инга.

– Я думала здесь только мальчики. И у тебя одежда такая неопределённая.

– Да уж какая есть. Девчонок только недавно стали в игру брать. И то не во все отряды.

Только в серые и зелёные.

– Это отряд серых, судя по вашей одежде.

– Конечно. Догадаться не трудно.

– А зачем вам нужно разделение по цветам?

– Отряды воюют против друг друга. Нужны отличия, чтобы не бить своих. Иногда отряды образуют союзы. Мы недавно вступили в альянс с зелёными. А белые в союзе с красными. – Рассказала Инга.

– А зачем вы воюете? – Спросила я.

– А что ещё делать? Других дел нет.

– Странно. Как нет? А школа?

– У нас закрылись все школы семь лет назад. Ты что с неба свалилась, что об этом не знаешь? – засмеялась Инга.

– Вы уже семь лет не учитесь? – Оторопела я.

– Некоторые учатся самостоятельно, в основном те, кто хоть несколько классов окончили и смогли достать обучающие программы. А те, кто помладше, даже читать не умеют, когда они достигли школьного возраста, школы уже закрыли.

– А зачем их закрыли? – Я была шокирована.

– Я точно не знаю. Какие-то проблемы возникли. Сначала воду отключили, канализация перестала работать. Из-за этого было по три урока в день. Затем и свет выключили. Занимались только когда было уже светло. А потом и отопление перестало работать. Как раз морозы были. И школы закрыли совсем. – Спокойно вспоминала Инга.

– И никто не пытался ничего сделать? Разобраться в проблемах? – Продолжала расспрашивать я.

– Наверное, пытались, я не помню ничего, я тогда совсем маленькая была.

– Значит вы вместо школы сразу начали играть в войну?

– Да нет, не сразу. Сначала от безделья в компании разные стали сбиваться.

– Чем занимались эти компании?

– Чем-чем, воровством.

– Воровством?!

– Тогда голод начался. Искали еду, воровали.

– А ваши родители позволяли вам это делать?

– А родителям зарплату перестали платить, все предприятия остановилось. Им нечем было нас кормить. Потом еды стало совсем мало, даже украсть негде было. И начались стычки между разными группами – делили территорию – кто где красть будет. Чтобы победить, каждая группа старалась набрать как можно народа. Это армии настоящие были. Все злые, голодные. Начались серьёзные битвы, многих убили. И тогда на улицы вышли родители – мстить за своих детей. Такое месиво было. Слушай, а почему ты меня расспрашиваешь так подробно? Мы же одного возраста. Ты и сама должна это всё помнить.

– Я... понимаешь, я ничего не помню. – выдавила я.

– Амнезия что ли? По голове стукнули? – Захохотала Инга.

– Я... не помню. – Как мне не хотелось врать! А сказать правду, я боялась.

– Тяжёлый случай. – Озадачено произнесла Инга.

– Знаешь, мне нужно выйти отсюда срочно. Где здесь выход? –наконец, сказала я.

– Выхода нет, нас красные закопали. Ты не поняла, что ли? Мы же в могиле схоронились?

– Что?! Нас всех похоронили заживо?!

– У тебя точно с головой не в порядке. Раскопают нас через пару дней.

– Через пару дней? – Я вскрикнула так громко, что все вокруг обернулись. – Я ничего не понимаю. Мне дышать трудно.

– Здесь душновато. Вентиляционные шахты, наверное, забились. – Спокойно ответила Инга.

– Мне плохо. Голова кружится. Я не понимаю, что происходит.

– Да, похоже, тебя крепко приложили. Ладно, не нервничай, сейчас всё объясню. Во время военной операции мы попали в засаду. Красные погнались за нами. Мы быстро спустились в могилу по вентиляционным трубам. Да не трясись ты. Могилами мы подвалы называем, в которых завалены входы. Так вот, мы спустились, а красные замуровали трубы.

– Мы же задохнёмся.

– Нет. Они замуровали только толстые трубы, через которые мы сюда попали. А тонкие остались открытыми.

– И что теперь будет?

– Через пару дней наши заметят, что мы пропали, найдут и откопают.

– А вдруг не заметят? Или не найдут.

– Обязательно заметят. Нас много здесь, трудно не заметить наше отсутствие. А найти не так сложно. У нас несколько подобных могил по району. Все по очереди проверят и найдут.

– Но мне сейчас, срочно нужно домой. Там родители волнуются. – Запаниковала я.

– Ничего, не умрут без тебя. – Спокойно отозвалась Инга.

Ингу кто-то позвал. Она отошла к другой группе. Я осталась одна среди странной толпы, обессиленная, шокированная, без малейшего представления, что будет дальше.

Кто-то тронул меня за руку. Я посмотрела на руку и отшатнулась. Прорезанная глубокими и мелкими морщинами рука, маленькая, сухая, настолько высохшая, что кажется, сейчас рассыплется на мелкие кусочки.

– Кто ты, девочка? – прошамкала старуха. Наверное, та самая, об которую я споткнулась. – Я знаю тебя?

– Вряд ли. Я здесь впервые. А вы здесь живёте? – Я поторопилась задать вопрос, чтобы избежать дальнейших расспросов старухи. Не могла же я признаться, что я с верхнего берега. Неизвестно, как они ко мне отнесутся, когда узнают. Вдруг они нас ненавидят?

– Я помню твоё лицо. – Старуха приблизилась ко мне вплотную, разглядывая, а я не могла отвести от неё глаз.

Какое странное лицо. Что в нём странного? Во-первых возраст. Ей, наверное, лет 80. У нас на верхнем берегу таких старых людей вообще нет. Наверное, все раньше умирают. Как она дожила до этого возраста в таких ужасных условиях. У них нет ни еды, ни электричества в домах, ни воды. О врачах вообще можно не вспоминать.

Во-вторых, она, наверное, владеет гипнозом. Потому что, когда она сказала, что помнит меня, мне показалось, что я её тоже помню.

В-третьих, хоть она и говорит безумные вещи – она никак не могла знать меня, глаза её отнюдь не безумны. Опыт, мудрость, доброта в этих глазах. Весь облик старухи просто потрясает. Она страшная и красивая одновременно. Это не приятная красота, свойственная молодым женщинам, а горьковатая, терпкая красота вечности. Мне показалось, что она смотрит сквозь меня и всё понимает.

– Тебя зовут Маргарита? – вдруг спросила она почти без звука, одними губами.

– Да, – ответила я, поражённая до глубины души. Хотя что поражаться, я ведь только что сказала Инге своё имя, старуха, наверное, уже была рядом и слышала.

Вернулась Инга.

– Ты уже с бабулей познакомилась? – Спросила она.

– Это твоя бабушка? – ответила я вопросом на вопрос.

– Нет, – засмеялась Инга, – это наша общая бабушка. Она нас лечит и утешает, и сказки по вечерам рассказывает. Может и не сказки. Мне иногда кажется, что всё что она рассказывает, было на самом деле.

Увидев, что бабуля проснулась, вокруг неё стали собираться дети, в ожидании очередной сказки.

7. Пожар

Пламя распространялось быстро. Никто его не тушил.

Пожар в заброшенных домах – дело обыденное. Началась осень. Отопления нет, люди придумывают как согреться. Идеи не всегда хороши. За неимением печей, делают самодельные, сооружают какую-нибудь конструкцию из подручных материалов. Погода ветреная, стёкла выбиты. Огонь распространяется быстро. Обычно люди просто уходят, бросив свои жалкие пожитки и селятся в другом полуразвалившемся здании.

Сегодня пожар не ограничился одним домом, пламя не остановилось, сожрав одну многоэтажку. Пожар перекинулся на следующую, которая уже горела в прошлом году. Казалось, что гореть там уже нечему. Обугленные стены, оплавившиеся лестничные проёмы. Но огонь, раздуваемый сильными порывами ветра, всё же находил чем потешить свою ненасытную утробу.

Пламя поднималось всё выше и выше по этажам. И вдруг, в какой-то момент, остатки прозрачного витража, оплавленного предыдущим пожаром, разогревшись, превратились в жидкую массу и потекли вниз. Этаж под витражом стал крениться, сползать. А затем произошло невероятное. Дважды обгоревшая конструкция дома распалась на отдельные фрагменты, будто кто-то разобрал гигантский конструктор. Этаж за этажом рушился. Казалось, что это сборная конструкция, подчиняясь невидимому пульту управления, складывается аккуратно, часть за частью. Скорость разрушения постепенно увеличивалась и вскоре единая масса, лава из бетона, металла, стекла и пластика летела вниз, сметая всё на своём пути.

Это была катастрофа. Один дом, падая, задел соседний. Тот упал на следующий. Будто это были карточные домики из бумаги, а не из бетона и металла. Но некому было увидеть это и сравнить. Люди не успевали убежать, и даже увидеть, что происходит.

Через несколько минут целого района города не стало. Разрушение затухло, как затухает вулкан, извергнув порцию лавы. Гул, схожий с гулом землетрясения прокатился далеко за пределами города. Всё затихло, как после грозы. Пошёл снег, стыдливо прикрыв руины белым саваном.

8. Совещание

Маленькая комната в многоэтажке. В углу самодельная печка, труба уходит в окно. На длинном столе много компьютеров, планшетов и деталей к ним. Окно закрывает странной формы антенна. В центре комнаты вело – эллипсоидный тренажёр, штанга и множество гантелей, в дверном проёме турник, у стены маленький диван. Над ним полки с книгами, дисками памяти, флешками. Куда-то в пол уходит связка проводов. С нижнего этажа раздаётся равномерный гул.

Техника на столе замигала. Алексей подошёл, посмотрел изображения с камер у входа. Пришли парни на совещание. Алексей решил организовать эту встречу после общего собрания. Несмотря на то, что он нашёл доступ в интернет сети верхнего берега и получил благодаря этому много новой информации, многое оставалось для него непонятным. К тому же обстановка на нижнем берегу накалялась. Алексей чувствовал опасность. Опять возникло это гнетущее ощущение. Оно его никогда не подводило. Оно всегда указывало на приближение негативных событий. Но в этот раз Лёша не мог определить источник опасности.

Алексей никогда ещё никого не приглашал в своё логово. Но сейчас пришлось пренебречь правилами безопасности, так как ситуация была экстраординарная. Опасность была рядом. А в те сведения, которые он обнаружил в интернете, без доказательств никто не поверит. Они идут вразрез с бытующими в сознании ребят представлениями о существующей действительности.

Алексей снова задумался, оправдан ли риск раскрытия его логова. Каков процент опасности по сравнению с пользой для дела? Можно ли доверять людям, которых он пригласил? И признался себе, что выбора у него нет. Действовать в одиночку он больше не может. Потому что нужны глобальные изменения. А всё изменить одному не под силу.

Алексей нажал кнопки на пульте управления, двери перед визитёрами открылись одна за другой, по мере приближения к ним людей. Это вызвало неподдельное удивление у мальчиков. У всех, кроме Ахмеда- командира зелёных. Ахмед никогда не удивлялся, верней, никогда не показывал удивления.

За Ахмедом зашёл Павел Разверзев – единственный из мальчиков не состоящий ни в какой партии. Он считался местным философом. Много читал, обладал энциклопедическими знаниями, что вызывало уважение у неграмотного населения нижнего берега. Он жил в библиотеке. Павел пытался организовать курсы ликвидации неграмотности для детей. Но как только дело начало налаживаться, библиотека сгорела. Весь книжный фонд и все диски памяти были уничтожены во время пожара. Павел впал в депрессию, но вскоре понял, что он не имеет права успокаиваться, он ощущал, что он должен что-то сделать, помочь детям. Павел стал собирать в разрушенных домах старые компьютеры, блоки питания, в которых осталась зарядка. Так они с Алексеем и познакомились. Случайно встретились в бывшем научно-исследовательском институте. Алексей тоже там искал запчасти для своего компьютера.

Павел сознательный мальчик, умный, понимает, чем может грозить разоблачение логова Алексея – закрытием доступа к информации. Но он очень слаб физически. А враги могут применить и физические методы.

Враги. Алексей, кажется, впервые произнёс это слово. Кто они, его враги? Белые? Вместе со своим предводителем, Андреем? Нет. Все мальчишки – его братья по несчастью. А враги – где-то в другом месте, невидимые и неизвестные. Кто они, ещё предстоит выяснить, как и то, какие у врагов цели. Для этого и собрал совещание Алексей. Но это работа не на один день. Сегодня она только начнётся. И от того, сможет ли он объяснить мальчишкам масштаб проблемы, зависит успех этого совещания.

– Здравствуй, Алексей, – сказал Ахмед, протягивая руку, не обращая внимания на обстановку комнаты, будто не замечая ничего вокруг. Но Алексей видел, как гость быстрым взглядом окинул стол с компьютерами и полки с книгами. Эмоции, как всегда, спрятал за внешней невозмутимостью.

Павел не мог скрыть изумления, когда увидел работающие компьютеры на столе Алексея. Он замер потрясённый, пытаясь свести концы с концами в своём сознании. Настолько сильным для него оказался слом шаблонов. Он не предполагал, что у кого-то из мальчишек ещё остались работающие компьютеры. Павел пришёл в себя и заулыбался. У него появилась надежда на то, что его идея о школе может воплотиться.

А Мишка не пришёл. Очень странно. Михаил – самый близкий друг Алексея. Должно было случиться что-то серьёзное, чтобы Миша не сделал то, что обещал.

Ребята готовы к разговору, ждут, что скажет Алексей. Понимают, что не просто так пригласил он их к себе. Не назначил встречу в каком-то нейтральном месте. А пригласил в свой кабинет. Ахмет знал о существовании Лёхиного кабинета, но проникнуть внутрь не смог ни один из разведчиков Ахмета. Поэтому содержимое кабинета оказалось и для Ахмета сюрпризом. Хотя он догадывался, что если место столь надёжно защищено, значит там есть что-то важное. Но Ахмет не думал, что настолько важное. Это было то, о чём он сам только мечтал. Работающие компьютеры. Где он берёт энергию? Работает система охраны, камеры, несколько экранов. Остатками старых батарей подпитать такую систему невозможно. Сам Ахмет позволял себе пользоваться старым ноутбуком только пол часа в день, чтобы сохранить последнюю батарею. А Паша вообще только начал собирать компьютер и был в поисках источника энергии.

Ждать Михаила уже не было возможности. Нужно начинать.

– Я пригласил вас для обсуждения проблем нашего существования. Я чувствую, что нам грозит большая опасность.

Никто не улыбнулся, когда Алексей сказал о чувствах. Он мог себе это позволить, в отличие от других пацанов. Говорить о чувствах в войсках было не принято, обычно это высмеивалось довольно жёстко. Но о предчувствиях Алексея ходили легенды. Он иногда предсказывал будущее. И ещё ни разу не ошибся.

– Для начала я познакомлю вас со своими источниками информации. – Алексей сел за стол, включил компьютер и вошёл в интернет.

Даже Ахмет, непробиваемый Ахмет, подскочил с места, увидев наличие сети. Мальчики были в таком шоке, что не могли ничего сказать.

– Мы с Михаилом вскрыли защиту сети Верхнего берега.

– А как вы вообще вошли в сеть? – спросил Павел. – Это невозможно. Это какой-то фокус, подстава. Ты нашёл сохранённые трансляции?

– Посмотри на дату. Это передача онлайн. – довольно улыбаясь ответил Алексей

– Как это возможно? – Павел недоумевал.

– Сейчас всё расскажу. Мы с Михаилом проанализировали работу салонов, магазинов, которыми пользуются верхнебережцы, то есть Верхние. И пришли к выводу, что у них есть связь с верхним берегом. Значит должен быть интернет. Значит где-то есть антенны. Значит мы тоже можем подключиться. И вот после двух лет поисков, исследовательской работы, нам, наконец, это удалось.

– Да ты просто гений! – вскрикнул Павел.

– Нет, это не я, это Мишка действительно гений! – сказал Лёха.

– А электроэнергию где берёте? – спросил Ахмет.

– Нашли и починили старый генератор. – ответил Алексей.

– А на чём он работает? – не унимался Ахмет.

– На дизельном топливе.

– Где сейчас можно найти дизельное топливо? Ты пошутил, друг, наверное, – продолжал допытываться Ахмет.

Алексей насторожился.

– Я расскажу вам это позже. Сейчас это не самое главное

– Не доверяешь? – вкрадчиво заметил Ахмет.

– Я тебе показал своё логово, своё главное детище. Этого мало? – вспыхнул Алексей. Однако, отметил про себя насколько тонко Ахмет чувствует настроение Алексея.

– Ребята, спокойнее. Мы не враги, давайте не будем устраивать разборок. Я думаю, что есть ещё что-то более важное, чего Алексей не сказал нам. – Успокоил их Паша.

– Да это так, – мгновенно переключился Алексей.

– Посмотрите на этот документ. Список подразделений государственного управления нашим городом. Можете всё не читать. Первые десять пунктов о производстве, затем городское хозяйство, культура, образование. Обратите внимание на пункт 51. Управление нижним берегом.

– Ну что тут особенного, у них на нижнем берегу вся сфера обслуживания сосредоточена: парикмахерские, магазины, химчистки, автосервис, массажные салоны, бары, казино, боулинг. Конечно этим нужно управлять. – выступил Паша.

– Подпункт три. – Продолжил Алексей. – Управление населением Нижнего берега.

– Тоже логично. Все наши родители работают на этих обслуживающих предприятиях, – парировал Паша.

– Я слышал, что и на основном комбинате Верхнебережья работают наши, только их оттуда не выпускают, они там в рабстве. – Неожиданно без акцента сказал Ахмет.

– А вот подпункт 51.3.13. называется «Дети нижнебережья». – сказал Алексей, открыв новый файл.

Повисла пауза. Файл не загружался.

– Что происходит? – Спросил Ахмет.

– Этот файл имеет дополнительную защиту. Мы её не смогли вскрыть. – Ответил Алексей. – Сейчас мы над этим работаем.

– Почему ты считаешь, что это очень важный файл. Там, наверное, что-нибудь о нашем питании. Они же раздают нам пайки каждое утро. – сказал Паша

– Или о прививках. – предположил Ахмет.

– Они бы не стали так шифроваться, если бы речь шла только о питании. – Пояснил Алексей. – Очень сложная многоступенчатая защита.

– Наверное, это пункт о чипах, которые они нам вшили в руки. – Предложил версию Ахмет.

– Регистрационные чипы тоже не стоят таких усилий, которые они потратили на защиту этого файла. Чипы никто не станет самовольно вытаскивать. Без чипа человек не получит еду. Зачем эту информацию так защищать? – Спросил Лёша.

– Вдруг кто-то второй чип вошьёт и будет два пайка получать. – Предположил Паша.

– Та еда, которой они нас кормят, для них ничего не стоит. Копейки. Сколько стоят отбросы, просроченная пища или плохо проваренный овёс? – объяснил Алексей.

– Если проанализировать, что происходит на Нижнем берегу, события не поддаются логическому объяснению. Явно не хватает каких-то фактов. – Уверенно добавил Алёша. – Давайте попробуем восстановить основные события за последние семь лет.

– Отличная идея. Я уже пытался записать историю нашего берега последних лет, но не справился с поставленной самой собой задачей – не хватило информации. Вы на пару лет старше меня, думаю вам будет проще. – Сказал Паша.

– Только на год, – отметил Ахмет.

– Это уже не мало. – ответил Павел.

– Ну что же, ты уже пытался восстановить порядок событий. Расскажи свою версию, а мы дополним, – предложил Алексей.

– Хорошо. – согласился Павел. И так, сначала у нас была нормальная жизнь. Дети ходили в детские сады, школы, родители работали, кто на верхнем берегу, кто на нижнем. Затем вдруг отключили электричество в школах.

– Это было не вдруг. Сначала появились статьи в газетах о долгах населения Медногорской Объединённой Энергетической Компании города, сокращённо МОЭК. Затем проводились собрания, где требовали вернуть долги, угрожали отключением квартир должников от энергоснабжения. А затем городской совет принял решение прекратить снабжать школы электричеством, пока должники не выплатят долги. – Пояснил Ахмет.

– Вопрос первый. Почему именно школы? Где логика? Не проще ли было отключить должников? И действительно ли так велики были долги? Я думаю, что все обычные люди платили за электричество. Не платили, наверное, больные пенсионеры и пьяницы. – Начал рассуждать Алексей.

– Ну, что ты, пенсионер скорей есть не будет, чем за электричество не заплатит, они все такой сознательный. – Заметил Ахмет.

– А почему взрослые не возмутились? – поинтересовался Паша.

– Все думали, что отключили на несколько дней, ничего страшного, дополнительные каникулы. – Сказал Алексей.

– А вы помните, что у родителей тогда увеличили рабочий день. Взрослые стали приходить с работы поздно ночью. В выходные они тоже уходили то на конференции, то на курсы, то на спортивные праздники. Мы их почти не видели. – добавил Паша. – Мои были такие замученные и вечно уставшие. И всё время говорили о том, как они боятся потерять работу. Их, наверное, запугивали.

– У моей мамы тогда началась депрессия. Она вынуждена была обратиться к психиатру и начать лечение. – Сказал Алексей.

– Вылечилась? – спросил Ахмет.

– Ей стало лучше, но вскоре и аптеки закрыли, а без антидепрессантов она уже не могла.

– Моя мама сутками работала, приходила домой только в воскресенье. – Сказал Паша.

– А где она работала? – спросил Ахмет.

– В библиотеке. – ответил Паша.

– Что можно делать сутками в библиотеке? Абсурд какой-то, – сказал Алексей. – А у меня отец внезапно пропал. И никто не мог сказать, куда он делся. Просто однажды не пришёл с работы и всё.

– Может напился? – уточнил Паша.

– Нет, мой отец не пил никогда. – заступился за отца Алексей.

– Мой отец в мечеть ушёл и не вернулся. – Признался Ахмет.

– Мы сбились. Давайте по-существу. И так, закрыли школы, увеличили рабочий день у взрослых, начали пропадать люди. А что делали вы?

– Дети в шайки стали сбиваться от безделья. Сначала играли во что-нибудь, затем хулиганить начали – что-нибудь разобьют, с кем-то подерутся. А когда еды стало мало, начали воровать. – Рассказывал Алексей.

– Пишу дальше. Четвёртое. Хулиганство. Воровство. – отметил Паша. – Дальше что?

– А дальше еды не стал почти совсем. Родителям зарплат задерживал. Чтобы обворовать крупный склад или магазин, мы сбивался в большие стаи. – сказал Ахмет.

– Ну, что за стаи, Ахмет, мы же не птицы. – проворчал Паша.

– Что за проблема, дорогой, напиши – отряд. – Миролюбиво ответил Ахмет.

– А потом отряды начали воевать друг с другом – Сказал Алексей.

– А почему? – Спросил Павел.

– Не могли поделить, кто что грабить будет. Сферы влияния делили. – Объяснил Ахмет. – Война началась. Дети гибнуть стали.

– А вот потом произошло самое страшное. Родители, как будто очнулись от спячки и начали мстить за своих детей. Вендетта! – Воскликнул Алексей.

– Что за сложные слова, люди не поймут. Напишем проще. Мечь. – сказал Паша. – Дальше, пожалуйста.

– А дальше произошло загадочное событие номер два. – Многозначительно сказал Алёша.

– А какое было первым? – спросил Ахмет?

– Первое странное событие то, что в школах отключили электричество.

– А вторым ты какое считаешь? – Спросил Павел.

– Больше года шла кровопролитная война, а потом вдруг собралось какое-то собрание и установило правило войны. Кто его собрал? Как это было возможно? Как остановили озверевших людей, потерявших свои семьи?

– Очень просто. – сказал Ахмет. – Что тут непонятного? Как зверей и остановили. Дресировать начали – чипы вшили и пайки стали выдавать.

– Да, всё верно. А почему этому никто не сопротивлялся? – Воскликнул Паша.

– Да мы же детьми ещё были, голодными и запуганными. За кусок хлеба готовы были убить. – пояснил Ахмет.

– А родители почему подчинились этим новым правилам? – не мог понять Паша.

– Я по своим родителям судить не могу. Отец исчез, а мать была больна. Но с другими, явно что-то случилось. Они заторможенные какие-то стали. Злость пропала. Город казался сонным. – Рассуждал Алексей. – Но вернёмся к тому собранию, которое выработало правила войны. Вы помните, правила гласили, что в войне могут участвовать только дети. А взрослые должны были ходить на работу. Кто вообще решил, что дети должны воевать? Кто-то из детей? Кто из нас способен был организовать хоть какую-нибудь систему? Наши родители хотели, чтобы мы воевали? Зачем им это? – Рассуждения Алексея пришли в тупик.

– Я думаю нам самим не разобраться в этом. Мы были маленькими и глупыми в то время, не могли анализировать. Нам нужно расспросить кого-то из взрослых, что бы понять логику. – Предложил Ахмет.

– Взрослые все обдолбаны наркотиками. Никто ничего не помнит. Кстати, интересно, почему взрослым никто прививок от наркоты не сделал. Только детям? Это тоже интересный вопрос. – продолжил беседу Павел.

– Молодец, Павел, в корень смотришь. Я тоже об этом думал, почему бы не сделать всем прививки? – заметил Лёша.

– А кто в здравом уме будет сутками на них работать за тарелку каши? – спросил Ахмет, – Этим будут заниматься только наркоманы за дозу. Так что на счёт того, чтобы спросить кого-нибудь? Есть подходящая кандидатура?

– Я думаю, что можно спросить кого-то из стариков. Они не работают, значит у них нет наркотиков. Знаете Бабу Машу? Она живёт в третьей могиле.

– Это та, которая сказки всё время рассказывает? – спросил Паша.

– Ну, да. – Ответил Алексей.

– Отличная идея. Хороший сказка рассказывает бабушка, всё помнит. – Откликнулся Ахмет.

– Сейчас я попрошу своих, чтобы её нашли.

– Как ты это сделаешь? – поинтересовался Паша.

– Отправлю сообщение. – Лёша включил телефон.

9. Подвал

В подвале было довольно тихо, если учесть, что там находилось около сотни детей. Воздух спёртый.

Инга предложила Рите перекусить. Рита уже порядком проголодалась, но когда увидела, что собирается есть Инга, отказалась, сказала, что не голодна.

В контейнере Инги была каша серого цвета с неприятным запахом.

– Что это? – спросила Рита.

– Это паёк. Нам каждое утро выдают, по одной банке в день. – ответила Инга.

– И это всё? – поразила Рита.

– Ты и это забыла? Вот это да! Ты точно чёкнутая! – констатировала Инга. Её карие глаза смотрели на Риту пылливо и недоверчиво. У Инги была очень интересная внешность. Несмотря на то, что Инга была неухоженной и грязной, она выглядела привлекательно. Никакая грязь не могла испортить подвижное, эмоциональное лицо правильной формы, маленький нос и выразительный, крупный рот. Но самое главное – это глаза. Глубокие, бездонные, грустные, даже когда Инга улыбалась. Видимо именно эта грусть сквозь улыбку так расположила Риту к Инге. Рита не обладала яркой внешностью, как она сама считала. Обычные русые волосы, обычные зелёные глаза, в общем, ничего особенного. Главным акцентом на лице были очки. Всё остальное, за очками, Рита не замечала, впрочем, в зеркало почти никогда не смотрелась.

Многие дети заснули, пока Баба Маша рассказывала сказку. Рита отвернулась, чтобы не видеть, как Инга ест эту гадость, рассматривала спящих и думала о том, что будет делать мама, когда обнаружит отсутствие дочери. Рита не знала сколько времени, но скорей всего, уже была ночь. А Инга рассматривала Риту. Что-то странное было в этой девочке. И дело вовсе не в амнезии. Инга уже не верила, что Рита что-то забыла. Хотя Рита задавала вопросы вполне искренне. Уж Инга то в этом разбирается. Она всегда точно знает, если кто-то врёт. И вдруг Ингу осенило! Рита ничего не забывала, она просто ничего не знала. Ни об этих людях, ни об их жизни. Инга не успела додумать свою мысль, хотя, разгадка казалась уже близкой. Раздался какой-то шум. Шум приближался, нарастал, запахло гарью. Дети постепенно просыпались, некоторые кашляли от гари. Все притихли, прислушиваясь. Дети пытались понять, что происходит там, наверху.

– Пожар, – сказал кто-то. И слово рассыпалось эхом, – пожар, пожар, пожар. И стало совсем тихо. И в этой тишине вдруг раздался оглушительный взрыв, затем ещё один, затем много взрывов слились в один звук, затряслась земля. Ужас был на лицах детей. Но это было ещё не всё. Взрыв раздался прямо над ними. Дети ринулись на пол. Кто-то куда-то побежал в панике, раздались крики. Вся толпа пришла в движение. Будто это был гигантский миксер.

Рита забилась в угол. Инга подползла к ней, обняла. Так они и сидели пока, наконец, не стих шум снаружи и не угомонились дети внутри. Дышать стало совсем трудно. Воздух в подвале наполнился пылью. Все молчали. Ещё не отошли от случившегося или ждали повторения.

Постепенно шок прошёл, и мальчишки стали обсуждать случившееся. Версии были самые разные. Но что это была война, что это была бомбёжка, не сомневался никто. Кто-то плакал, кто-то истерично смеялся, кто-то остервенело спорил. Все по-разному переживали стресс. Рита молчала, не двигалась. Инга пыталась заставить её что-то сказать или сдвинуться с места, но безрезультатно. Рита была словно заморожена. Она ничего не видела и не слышала. Ночь ей казалась бесконечной. Люди вокруг двигались всё меньше, разговаривали всё тише, сил становилось всё меньше из-за недостатка кислорода. Все притихли и было непонятно, то ли спят, то ли чего-то ждут.

– Баба Маша, – сказал кто-то совсем маленький, – расскажи сказку, а то страшно очень.

10. Тревога

– Никто не нашёл Бабу Машу. – обеспокоенно сказал Алексей.

Все молчали.

– Предполагают, что она осталась в могиле номер три. Могилу завалило рухнувшими во время ночного пожара домами. Там могут быть и другие люди. Срочно объявляем общий сбор. Место сбора – могила номер три. – продолжил Лёша жёстким тоном.

Мальчишки встали, быстро оделись и вышли на улицу. На месте могилы номер три уже собралась толпа. Система оповещения сработала. Алексей начал распоряжаться – это был его участок. Выстроил мальчишек в несколько цепочек. Ребята начали расчищать завал. Это была не простая работа. Рядом с «могилей» упала шестнадцатизэтажка. Работы на несколько дней, даже если работают сотни мальчишек. Прибыли на помощь Зелёные, но этого всё равно не достаточно. Люди могут погибнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.